

ВВЕДЕНИЕ

Как исчезают цивилизации

И сохранил слова обломок изваянья:

«Я — Озимандия, я — мощный царь царей!
Взгляните на мои великие деянья,
Владыки всех времен, всех стран и всех морей!»
Кругом нет ничего... Глубокое молчанье...
Пустыня мертвая... И небеса над ней...

Перси Биши Шелли. «Озимандия»¹

Государства и целые народы исчезают со страниц истории по разным причинам. Люди могут быть уничтожены и другими людьми, и природой: землетрясениями, цунами, извержениями вулканов, эпидемиями, резким изменением климата. В истории зачастую уничтожению подвергались целые культуры. Иногда это происходило очень быстро, но чаще тянулось многие десятилетия.

Однако эта книга посвящена редким случаям внезапного полного разрушения цивилизации, государства или культуры во время войны, силой оружия. Мы обратимся к падению древних Фив, пунического Карфагена, византийского Константинополя и ацтекского Теночтитлана. И я надеюсь, эта книга станет предупреждением современно-

¹ Перевод Константина Бальмонта. Имя Озимандия Шелли почерпнул у Диодора Сицилийского — так греческий историк передал тронное имя Рамзеса II (*Усер-маат-Ра*), одного из величайших фараонов, правившего в XIII веке до н. э. После него осталось огромное количество дворцов, храмов, статуй и других сооружений, а в 1881 году была обнаружена и его мумия. Поэтому великолепный сонет Шелли является также памятником заблуждению о степени исчезновения фигур и деяний прошлого. — *Примеч. пер.*

му миру, включая США, что вряд ли кто-то может быть застрахован от повторения подобных трагедий прошлого.

Военная катастрофа обычно следует за финальной осадой или вторжением врага. *Coup de grace* («удар милосердия») предсказуемо нацелен на столицу либо культурный, политический, религиозный или социальный центр государства. Такой последний удар обычно приводил к деконструкции всего образа жизни целого народа, а часто и к исчезновению большей части самого населения. Как ни странно, переход от нормальной жизни к последнему дню мог произойти довольно быстро. Рандеву с вечностью зачастую оказывалось совершенно неожиданным. Абсолютное поражение с запозданием выявляло давно возникшие уязвимости, поскольку экономические, политические и социальные трещины явно проявлялись только под давлением чрезвычайных обстоятельств. Угасающие империи редко были готовы принять тот факт, что их некогда обширные владения в итоге оказывались столь малы, что защитники могли окинуть их взглядом с крепостных стен своей столицы.

Наивность, высокомерие, ошибочная оценка сильных и слабых сторон, потеря способности к сопротивлению, новые военные технологии и тактика, тоталитарные идеологии и уход в иллюзии — все это может дать объяснения, почему достаточно редкие катастрофы тем не менее продолжают повторяться в истории — от разрушения империи инков до конца народа чероки либо геноцида многочисленного, яркого и говорящего на идише довоенного еврейского народа в Центральной и Восточной Европе.

Постоянное исчезновение предшествующих культур во времени и пространстве должно предупредить нас, что даже известные государства XXI века могут оказаться такими же хрупкими, как и их древние аналоги, учитывая, что искусство разрушения идет рука об руку с улучшениями обороны. Легковерие и просто некомпетентность современных правительств и политических лидеров относительно намерений, ненависти, жестокости и возможностей их врагов не являются удивительными. Комфортная беспечность и доверчи-

вость часто становятся оборотной стороной богатства и праздности. Это вполне предсказуемо, если помнить о неизменной человеческой природе и не придавать значения претензиям постмодернистской и высокотехнологичной глобальной деревни.

Даже в наш век транснационального богатства, взаимосвязанной глобальной экономики, Давоса, Организации Объединенных Наций, тысяч неправительственных организаций, международного порядка, основанного на правилах, а также силах ядерного сдерживания в руках крупных держав, судьбы Фив, Карфагена, Константинополя и Теночтитлана — это не просто воспоминания из далекого темного прошлого, то есть не имеющие значения в настоящем.

Конечно, ни одно современное государство уже не поработает все выжившее население побежденных — один из самых эффективных ранее способов стереть цивилизацию, — как Александр Македонский поступил с Фивами или Сципион Эмилиан с Карфагеном. Соединенные Штаты как минимум защищены от подобной угрозы двумя океанами, грозными силами ядерного сдерживания из почти шести с половиной тысяч боеголовок, наконец — самой мощной экономикой и самой могущественной армией в истории. Каким образом какой-либо враг на мировой арене сможет свести все это на нет?

Эрнан Кортес, осаждая Теночтитлан, действовал по тем же принципам, что и Александр Великий за 1788 лет до него. Он полагал, что почти все ацтеки в итоге станут крепостными, рабами или же погибнут. Да, мир сейчас по большей части нетерпим к рабству, канибализму и человеческим жертвоприношениям. Тем не менее инструменты геноцида — ядерные, химические и биологические — стали намного более совершенны, чем когда-либо прежде. Семьдесят миллионов погибших с 1939-го по 1945-й, всего через два десятилетия после 20 миллионов погибших в «войне, которая положит конец всем войнам» 1914–1918 годов, научили нас, что с материальным и технологическим прогрессом часто приходит моральный регресс —

урок, восходящий к предостережениям греческого поэта Гесиода в VII веке до н. э.

Двадцать первый век уже пережил кровавые войны в таких местах, как Афганистан, Дарфур, Эфиопия, Ирак, Ливан, Ливия, Нигер, Нигерия, Осетия, Пакистан, Судан, Сирия, Западный берег реки Иордан, Сектор Газа и Йемен — все они последовали за геноцидом конца прошлого тысячелетия в Камбодже, Руанде и массированных бомбардировок Югославии.

Однако по-настоящему страшно становится, когда в конфликты втягиваются крупные державы, обладающие оружием массового поражения, включая в первую очередь Соединенные Штаты. За последние несколько лет ядерным ударом грозили: Россия Украине, Китай Тайваню, Иран Израилю, Пакистан Индии и Северная Корея Южной Корею, Японии и США. Турция направляла ракеты на Афины и Израиль или грозила решить армянскую «проблему» способом своих предков. И это угрозы бомбами и ракетами, но мы вступаем в эпоху инфекций с программируемыми функциями и боеприпасов, управляемых искусственным интеллектом.

Обратите внимание, что четыре древних рукотворных Армагеддона, которые мы обсуждаем, заметно отличаются от таинственных исчезновений или монументальных внезапных системных крахов «затерянных цивилизаций», таких как микенская (ок. 1200 г. до н. э.) или майанская (ок. 900 г. н. э.) Они явно не похожи на менее масштабные вымирания, такие как таинственные исчезновения жителей на островах Пасхи, Питкэрн или Роанок. [1]¹

В книге не рассматриваются случаи постепенной внутренней деградации, которая неторопливо истощает нацию или империю, например распад и частичное поглощение Римской империи V века нашей эры пресловутыми варварами и ее медленное превращение в Европу так называемых Темных и Средних веков. Эти главы не являются

¹ Цифры в квадратных скобках — ссылки на примечания и комментарии автора, доступные по ссылке <https://clck.ru/3MEkWv> или по QR-коду, размещенному в конце книги на с. 351.

также исследованием политических кризисов, приведших к исчезновению государств либо правительств или изменению названий наций, например формального исчезновения Пруссии и пруссаков или Югославии и югославов. Даже фактическое уничтожение вражеского государства — с его границами, правительством и уникальной историей и культурой — не всегда равнозначно геноциду целого народа, хотя порой победоносная война может привести к массовой гибели людей, вызванной расовой, этнической или религиозной ненавистью.

Но если государства и культуры могут быть полностью уничтожены во время войны, то когда именно народ можно назвать побежденным или исчезнувшим? Когда государство официально завоевано, оккупировано, а его граждане стали подчиненными другой нации? Или когда правительство государства исчезает, его инфраструктура уничтожается, большинство людей убиты, порабощены или рассеяны, культура фрагментирована и вскоре забыта, а территория заброшена или перешла к совершенно иному народу.

Конечно, ничто никогда не заканчивается полностью. Политические институты разрушаются, культура угасает, язык забывается, а народ рассеивается. Тем не менее часть выживших некоторое время может существовать на эманациях былой славы. Поэтому, как мы увидим, существуют градации «уничтожения». Мы должны тщательно выяснить: были ли Фивы или Карфаген в самом деле разрушены, как записано в хрониках, — и действительно ли с ними случилось то, что наши исторические источники трактуют как: «уничтожен», «снесен» и «сровнен с землей».

От гибели Трои до атомной бомбардировки Хиросимы — разрушение городов и даже целых цивилизаций случалось редко, но все же происходило в истории. Некоторые из этих катастроф оставили след, который ощущался веками. Порой они меняли жизнь народов, даже тех, кто жил далеко от места трагедии. Миллионы людей понимали, что последствия разрушений рано или поздно коснутся и их. Позже, оглядываясь назад, новые поколения осознавали, что такие события означали конец одной эпохи и начало чего-то совершенно нового.

Будь то крах государства, исчезновение культуры или уничтожение целого народа — последствия могли быть очевидны сразу или проявиться лишь со временем. Но во всех этих случаях есть общие черты, а значит, мы можем извлечь из них уроки. [2]

Размер и богатство исчезнувшего народа также имели значение. Древний мир мог оплакивать уничтожение Афинами крошечного острова Мелос и его культуры в 415 г. до н. э.¹ Но классические греки не приравнивали мир без мелосцев к катастрофе всего эллинизма — по крайней мере, такой, как более позднее разрушение куда более крупных и влиятельных Фив или Коринфа. Значение имели язык, литература, искусство и наука исчезнувших наций, а также их способность оказывать влияние за пределами собственных границ. После падения византийского Константинополя мир Малой Азии и Средиземноморья изменился гораздо больше, чем после покорения варварами-вандалами Северной Африки, Сицилии или даже Италии.

Приведенные здесь примеры — низвержение Фив Александром Великим, уничтожение Карфагена Сципионом Эмилианом, завоевание и преобразование Константинополя султаном Мехмедом II и уничтожение Теночтитлана Эрнаном Кортесом — ознаменовали конец культур и цивилизаций. Так их воспринимали и современники, и последующие поколения.

Исчезновение Фив и их жителей положило конец классической Греции из сотен независимых городов-государств. Распад крупнейшего из них открыл совершенно иную эпоху — эллинистическую, время больших царств и имперских ценностей.

¹ Остров Мелос, населенный выходцами из Спарты, отказался участвовать в войне против Пелопонесского союза — после чего Афины отправили сюда экспедицию, захватили остров, убили всех мужчин, а женщин и детей обратили в рабство. Это деяние вызвало широкий резонанс в античном мире и осуждение даже в афинской культуре: Еврипид отозвался на него трагедией «Троянки», а Фукидид описал переговоры между Мелосом и Афинами в «Мелосском диалоге» как пример противостояния между представлениями о чести и о политической целесообразности.

Уничтожение пунической цивилизации в Африке ликвидировало последнее крупное препятствие на пути к римскому владычеству в Западном Средиземноморье. Исчезновение Карфагена привело Северную Африку на Запад и ускорило трансформацию Рима из республики в империю.

Падение Константинополя подтвердило упадок средиземноморского мира как связующего звена европейской торговли. Потеря города положила конец формальному европейскому присутствию в Азии хотя и помогла, если двигаться в противоположном направлении, открыть новый атлантический мир, в котором стали доминировать Португалия, Испания, Франция, а позднее Голландия и Англия.

Уничтожение Кортесом Империи ацтеков и ее столицы Теночтитлана положило начало сокрушению независимых туземных государств в Америке, одновременно породив там новую испаноязычную цивилизацию, которая не была уже ни испанской, ни полностью туземной.

Зачастую судьба большого города — обычно столицы — определяемая его прежним политическим значением и влиянием или размерами и богатством, становится для последующих поколений наглядным олицетворением краха всей воплощаемой им цивилизации. Но участники событий не всегда могут осознавать свою роль преобразователей. Вряд ли Александр когда-либо думал о разрушении Фив как о чем-то ином, кроме как об уничтожении досадного препятствия, преграды на пути его давно запланированного вторжения и разграбления Персидской империи. Точно так же Сципион Эмилиан, несмотря на все его предполагаемые последующие угрызения совести и философские размышления, скорее всего, был в первую очередь озабочен собственной политической карьерой. Ему требовалось преуспеть в разрушении Карфагена после того, как два его непосредственных предшественника не смогли выполнить эту задачу.

Мехмед II, по-видимому, имел некоторое представление об историческом и культурном значении Константинополя, поскольку объявил

себя единственным законным наследником Римской империи. Но даже султан не предвидел, что его выбор подтолкнет Западную Европу к завоеванию мира морским путем, чтобы обойти зону растущего османского контроля — когда турецкий Константинополь нарушил привычную средиземноморскую торговлю между Востоком и Западом. Кортес же рассматривал свои завоевания с точки зрения собственной карьеры и финансовых интересов, а также увеличения власти и прославления имени своей церкви, своего короля и лично себя.

Я начну свое повествование с гибели города Фивы. В 335 году до н. э. фиванцы не просто восстали против македонской оккупации Греции, но бросили дерзкий вызов самому Александру Великому, спровоцировав его захватить легендарный город.

Он сделал это после короткой, но жестокой однодневной битвы. Затем он совершенно неожиданно привлек другие завоеванные греческие города-государства для ратификации своего решения сравнять взбунтовавшийся город с землей, убить большую часть взрослых мужчин, а выживших пленников продать в рабство — позволив соседям захватить территорию Фив. Тем самым Александр навсегда покончил с древней цитаделью Кадма, мифического основателя священного города.

Были низвергнуты не только сами Фивы. Уничтожение Фив ознаменовало финал всей эпохи независимых городов-государств. С момента уничтожения Фив на греческой земле одна центральная власть сменяла другую: сначала Александр и его эллинистические *диадочи* («преемники»), затем Рим и Византия, потом османы и, наконец, независимая греческая монархия. Однако творческая полисная цивилизация «золотого века» — не только Фив, но и Афин и остальной Греции — исчезла после Александра.

Во второй главе исследуется смертельное соперничество между Римом и Карфагеном, которое достигло кульминации в 146 году до н. э.,

примерно через 189 лет после падения Фив, когда карфагеняне также исчезли как народ, тем самым ознаменовав конец Третьей Пунической войны. Сама пуническая цивилизация тоже исчезла вместе со своей столицей. Как и фиванская, она погибла в осаде, после того как ее некогда далекие границы сократились до пригородов столицы. Некогда доминировавшие во всем Средиземноморье карфагенский язык, литература и нация в последующие греко-римские века превратились лишь в далекие воспоминания.

Карфаген в своих трех Пунических войнах слишком долго боролся с Римом и сделался слишком уязвимым. Его существование стало восприниматься не столько как экзистенциальная опасность, сколько как постоянный раздражитель для Рима. Для других народов его судьба была не слишком важна. А Рим искал возможность уничтожить экономического конкурента и присвоить его богатство. Падение Карфагена вместе с почти одновременным разрушением Коринфа и созданием римских провинций в Греции традиционно рассматривалось историками как символическое прекращение существования эллинистических царств и начало римско-средиземноморского мира.

Самым печально известным из военных исчезновений стало падение византийского Константинополя 29 мая 1453 года — «Черный вторник», о котором идет речь в третьей главе. После падения Византии греческий язык и православная вера сохранились в разрозненных анклавах Южной Европы и азиатского приграничья, однако тысячелетняя грекоязычная реальность Восточной Римской империи и ее малоазийской культуры канула в лету — даже несмотря на последующие притязания России на роль наследницы, возрождающей христианский «Третий Рим».

Константинополь выжил и более или менее оправился от жестокого разграбления западными рыцарями в ходе Четвертого крестового похода в 1204 году. Но он не пережил гораздо более амбициозных планов султана Мехмеда II, который покончил с византийской цивилизацией, а также присвоил и преобразовал ее знаменитую столицу.

Османы питали ненависть к христианству. Они справедливо полагали, что Константинополь был старой и слабой, давно заброшенной окраиной западного христианского мира. После его захвата Святая София, на протяжении семисот лет являвшаяся крупнейшим христианским собором на Западе, стала величайшей мечетью исламского мира. В Азии больше не осталось византийцев, греческого города Константинополя или даже самой идеи сплоченной христианской, грекоязычной эллинистической культуры. Греческая оболочка разграбленного города уцелела, учитывая его стратегически бесценное местоположение на Босфоре. Но теперь он превратился в *Константиние* — новую динамичную столицу восходящей Османской империи — и в наше время был переименован в Стамбул.

С глобальной точки зрения падение Константинополя ознаменовало конец мира, сосредоточенного вокруг Восточного Средиземноморья, перенос эллинской силы и влияния в Европу эпохи Возрождения, а вскоре и начало атлантической эпохи. В 1444 году, почти за десятилетие до падения города, португальские мореплаватели, пытаясь найти морской путь в обход османского контроля над Средиземноморьем и сухопутных дорог в Азию, смогли достичь самой западной точки Африки. К югу от Сахары португальцы начали обходить мусульманский контроль над торговлей с африканским Золотым Берегом. К 1488 году они достигли мыса Доброй Надежды, обеспечив европейцам прямой доступ к торговле с Азией. А в 1492 году, всего через 39 лет после падения Константинополя, европейцы открыли Новый Свет.

Как и слово «вандал», слово «византийский» сегодня сохранилось лишь как эпитет. Оно используется неточно и несправедливо, чтобы указать на предполагаемую неэффективность и интриганство окаменелых, раздутых бюрократий. Идея живой Византии лишь однажды возродилась как эфемерная фантазия. После распада Османской империи в 1918 году эллинская Μεγάλη Ιδέα (*Мегали Идея*, или Великая идея) получила новый импульс, прежде чем исчезнуть навсегда. *Мегали Идея* XX века грезил о панэллинской Эгеиде, вновь объединившей грекоязычное население Малой Азии, материковой Греции, средиземноморских островов и северного побережья Египта. Она

оказалась разгромлена армией турецкого националиста Мустафы Кемалья Ататюрка,¹ завершилась пожаром Смирны (1922) и была добита зарождающимся государством Турция. [3]

Жестокие деяния Эрнана Кортеса по уничтожению империи ацтеков стали темой четвертой главы. Когда в 1521 году осада города завершилась, больше не было ни понятия народа ацтеков, ни его величественной столицы в Теночтитлане, ни похожего на Венецию островного города с каналами. От прежнего ацтекского государства мало что осталось, кроме мифов о потерянной родине ацтланов на юго-западе США и рабов, строящих новую испанскую столицу Мехико, намеренно возводимую на месте старой.

Подобно Карфагену и Константинополю, Теночтитлан был пульсирующим нервом хрупкой державы — блистательной столицей, чья воля простиралась на тысячи миль, связывая далекие провинции воедино. Познакомившись всего за два года с цивилизацией ацтеков, испанцы почти сразу же попытались уничтожить их религию, расу и культуру. По их мнению, имелось более чем достаточно причин именно уничтожить Империю ацтеков, а не просто победить *мешика* (самоназвание «ацтеков»). Как и в случае с Фивами, разрушение Теночтитлана и мексиканской империи не просто ликвидировало некое государство. Гибель города ознаменовала конец цивилизации *альтепетлей* (городов-государств) Центральной Америки в целом. В сочетании с более поздним испанским завоеванием Империи инков, косвенно вдохновленным деяниями Кортеса, гибель города ознаменовала крах эпохи независимых цивилизаций Нового Света.

Эпилог выводит трагическую формулу, общую для всех этих разновременных и разноплеменных историй. И дает предупреждение нам сегодняшним. Ибо странный парадокс: чем более единым и сплетенным становится человечество, тем опаснее и ненадежнее оказывается мир. Грань между ошибкой и катастрофой теперь тонка, как

¹ Фамилию Ататюрк («Старший Турок» или «Отец Турок») Мустафа Кемаль получил решением парламента лишь в 1934 году, после принятия в стране закона о введении фамилий. — *Примеч. пер.*

никогда — будь то Украина, Тайвань или беспокойный Ближний Восток. Мы должны помнить, что мировые войны прошлого века, вероятно, унесли больше человеческих жизней, чем все вооруженные конфликты с момента зарождения западной цивилизации две с половиной тысячи лет назад. И сделали они это не только с помощью наступательного оружия, ныне уже устаревшего, но также посредством слишком знакомых нам деструктивных методов, которые доныне сохраняются неизменными со времен Античности. Что касается целей агрессии, то старые представления и заблуждения, обрекшие на гибель фиванцев, карфагенян, византийцев и ацтеков, также остаются рядом с нами, как не теряют актуальности последние мысли погибающих: *«Не здесь! Не с нами! Не сейчас!»*